

лись неолиберализмом и постоянным вмешательством во внутренние дела других государств, двойными стандартами внешней политики и продвижением интересов своих финансовых кругов и корпораций сектора высоких технологий.

Что дальше?

Рецессия 2020 года и пандемия, вызвавшая разрыв глобальных торговых и производственных цепочек, закрытие границ и появление отдельных зон, формируют жесткую развилку ближайшего будущего: либо произойдет восстановление глобализации, либо будут усиливаться эгоизм крупных держав и регионализация, что приведет к наступлению хаоса в международных отношениях и торговле, а также увеличит риски новых конфликтов и войн за ресурсы и передел мира претендентами на региональное лидерство (прекрасный пример — Турция) или на мировую гегемонию (Китай).

Вне зависимости от того, как в итоге завершится процесс перехода власти от одной администрации США к другой, каков будет расклад сил в Сенате и в Конгрессе, для Америки уже стоит на повестке дня вопрос восстановления глобализации после очевидного кризиса глобального порядка, вызванного пандемией коронавируса и торговыми войнами, а для Китая и стран G7, потративших колоссальные средства на выход из коронакризиса, ренессанс глобализации — это насущная необходимость текущего момента времени.

Судя по партийным документам и докладам американских аналитических центров, новый этап глобализации либо начнется сборкой союзников

для жесткого противостояния Запада с Китаем и с Россией, которые обозначены в Стратегии национальной безопасности США как противники, либо, напротив, с улучшения отношений между США с Китаем и с перезапуском трансатлантического сотрудничества.

Но политической воли Вашингтона или Пекина, бизнес-интересов корпораций и желания ряда стран вернуться на геэкономический курс эпохи Обамы явно недостаточно, чтобы в третьем десятилетии XXI века перезапустить процессы трех предыдущих десятилетий.

Необходимо ответить на вопрос, возможно ли вообще возобновить глобализацию и повернуть время вспять, если текущая модель мировой экономики подошла к пределу своих возможностей и мир стоит на пороге системного кризиса и затяжной депрессии, а пандемия лишь обнажила некоторые проблемы. И если по ряду причин окажется, что это сделать невозможно, то как тогда должна выглядеть новая модель мировой экономики и кто возьмет на себя роль лидеров и дирижеров: крупные державы, транснациональные корпорации или социально-политические движения?

Проблемы глобализированной экономики

«Беспорядок рождается из порядка, трусость рождается из храбрости, слабость рождается из силы», — написал Сунь Цзы в «Искусстве войны». На протяжении последнего десятилетия мировая экономика показывает слабый и нестабильный рост, повсеместное сокращение инвестиционной актив-

ности и резкое накопление долгов во всех сегментах. Длительный в развитых странах более десяти лет цикл низкого роста, низких ставок, низкой инфляции постепенно превращается в постоянную стагнацию. Постоянные дефициты бюджетов правительств и высокий уровень государственного долга в большинстве стран ограничивают инфраструктурные проекты и программы поддержки секторов экономики и занятости.

Глобализация увеличила долю капитала в общем доходе также за счет более неравномерного распределения богатства и одновременно усилила неравенство в доходах от труда, изменив соотношение квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы из-за переноса производства в конкурирующие между собой развивающиеся страны. Цифровизация прекрасно поддерживает торговлю, финансы и сектор услуг, но ее влияние на производственную сферу, особенно в развивающихся странах, по-прежнему ограничено.

Сокращение потребительского спроса, вызванного общемировым ростом неравенства в постиндустриальную эпоху, создает предпосылки для беспрецедентного кризиса производства уже в обозримом будущем.

Основным источником поддержки текущего уровня производства и торговли является масштабное кредитование, благо процентные ставки сейчас крайне низкие и даже отрицательные, как, например, в странах Европы или в Японии. Но когда потребительские рынки постиндустриальных государств поддерживаются бесконечными кредитами, это лишь усиливает

дисбалансы текущего счета и отрицательное сальдо в торговле, а в итоге добавляет поводов для протекционизма и торговых войн.

Поддерживаемое глобализацией свободное движение капитала оказывает ограниченное влияние на темпы роста, но также увеличивает дисбалансы в мировой экономике.

Монетарное стимулирование, осуществляемое центральными банками, «разогревает» финансовые рынки, увеличивая стоимость биржевых активов и поддерживая дефляционные процессы в реальных секторах экономики, куда средства почти не доходят. Так, по данным Конгресса США, 85% средств из \$4,5 трлн, выделенных ФРС в рамках программ количественного смягчения в 2008–2015 годах, так и остались в банковской системе.

Одновременно в мире происходит беспрецедентное накопление долгов. Мировой долг растет намного быстрее, чем объем производства в глобальной экономике. Гражданам долг заменяет снижающиеся доходы, а компании используют долговое финансирование для выкупа акций, слияний и поглощений гораздо охотнее, чем на расширение производства. По итогам 2019 года общий долг достиг отметки 320% мирового ВВП. Учитывая триллионные программы по выходу из мировой рецессии и новые долги правительств, корпораций и граждан в ковидный 2020 год, совокупный долг обновит все предыдущие рекорды.

Всемирный банк в самом начале 2020 года еще до пандемии предупредил о связи финансовых кризисов с накоплением долга. За последние 50 лет мировая экономика пережила четыре